

ГЛАВА 1

Золотые листья тихо шептались о наступившей осени, медленно ложась мне под ноги. Ветер игриво перебирал выпавшие из косы пряди волос. «Настоящий шелк», – любила приговаривать, расчесывая меня перед сном, матушка Настасья. Волосы у меня и правда были примечательными: со вспыхивающими синими и фиолетовыми искрами в черных прядях. Возможно, давала о себе знать кровь феникса в далеких предках?

Упоительно свежий лесной воздух дурманил голову не хуже ягодного вина почтенного господина Гтгара. Ну и что, что он гном и должен был бы стать мастером-оружейником, как и его отец? Лучшего винодела во всем нашем Акете не сыщешь. Даже высокие лорды и леди не брезговали посылать к нему слуг за покупками, что уж говорить о скромных травницах?

Поворошив палкой листья в корнях дерева, я пошла дальше. Мы уже почти на месте, а значит нужно выбросить все лишние мысли из головы и заняться поиском и сбором златотысячника, за которым мы сюда и приехали. Зря, что ли, столько в телеге тряслись?

– Шати! – Послышался голос подруги Хасти и по совместительству одной из трех старших учениц травницы, матушки Настасьи.

– Я здесь! – отвечаю, радостно подпрыгнув на месте. Нашла!

Прямо из-под древесного корня на свет смущенно смотрел крохотный золотой цветочек. Ох, сколько еще их нужно будет найти и бережно собрать, пока мы сможем отправиться домой! Хасти хорошо: благодаря папе-оборотню она запросто соберет нужные травы, ориентируясь на звериный нюх и острое зрение, а после займется и дополнительным заработком, собирая ягоды и грибы. У меня, к сожалению, подобных бонусов от родителей не было.

– Рошха! – не нарушая традиции и простых правил нахождения в лесу, зову вторую подругу, чтобы услышать далекое: «Здесь!»

Вот уж кому с родителями не повезло! Рошха у нас наполовину русалка, а потому постоянно страдает без воды. А на вторую половину – энт. И не надо у меня спрашивать, как это ее родители встретились и сумели такую вот доченьку заделать. Ибо мы не знаем. Как и я, Рошха сирота.

Тонкий, черный, с короткой шерсткой хвост со смешной кисточкой на конце раздвинул высокую траву перед моими ногами, чтобы тут же

увязнуть в кусте репейника. Ну что за напасть! Теперь весь вечер придется его чистить! Но вообще, хвост являлся моей тайной гордостью: я научилась им до того ловко управляться, что иногда он заменял мне еще одну руку – так ладно все выходило.

– Здрав будь, дева. – Шевельнулась рядом коряга, ловко превращаясь в поросшего темно-зеленым мхом лешего. – Чай за травами ко мне пришли, девчата?

Я поклонилась дедушке в пояс, выказывая уважение. Не дай вам боги чем-то обидеть хозяина леса, в котором случайно или нарочно оказались, не выйдете из него никогда!

– Так и есть, дедушка. Вот и гостинцев вам привезли. – Я достала из короба за спиной небольшой полотняный мешочек с крупой, куснем хлеба и плоской меда и положила на пень рядом с лешим. Такие были у каждой из нас, но почему-то именно ко мне чаще всего выходили лешие, водники, банники и хлевники... и прочие жители изнанки.

Леший почесал зеленым пальцем крючковатый нос, старясь не потревожить примостившийся там мухомор, и довольно крикнул: – Не забыли, значит? Хорошо! – Он ловко спрятал подношение за пазухой бурого мохнатого полушубка. – А то молодежь нынче пошла дикая совсем: сначала с палками и камнями, с воплями ко мне, а после, ах-ах, выйти из лесу не могут или на медведя вдруг натыкаются! Непорядок! Не чтят древних законов!

Я предпочла промолчать и еще раз поклониться старику. Где уж мне спорить с мужем, не одну сотню лет разменявшим? Леший, подмигнув мне на прощание, вжал голову в плечи, притопнул ногами и снова стал самой обычной на вид корягой. А я, вздохнув облегченно, поспешила к перекликающимся вдалеке подругам. Хорошо хоть хозяин леса не стал меня уму разуму поучать, а то бывает и по несколько часов истуканом простоять приходилось.

К вечеру спина была мокрой от пота, поясница ныла от усталости, а ноги – от старых тяжелых башмаков. Но мы справились! А Хаста еще и целую корзину грибов собрала – матушка Настасья будет рада. – Возвращаемся? – Казалось, Рошха едва дышит от усталости. Вернувшись домой, она, как всегда, молча залезет в бочку с водой и просидит там до утра. А в конце месяца несчастную девушку ждет

новая напасть: придется закапываться в землю на целые сутки, недобрым словом поминая предка-энта.

Мне было жаль подругу. Подхватив в одну руку свою корзину, я взяла во вторую не менее тяжелую поклажу Рошхи.

– Идем. Хоть бы до темноты до тракта дойти. – Я бы никому не созналась, но находиться после заката в лесу мне было боязно. Ну и что, что леший в случае чего должен бы помочь? И что, если последнего упыря стражи уничтожили еще пять лет назад? А вдруг еще один специально по наши души найдется, а хозяин леса крика нашего не услышит? Мне ли не знать, как это бывает?

И три подруги, тяжело груженные поклажей, побрели к Западному тракту. Уставшие за день, мы молчали, тяжело переставляя ноги. У каждой на душе было пасмурно.

Хаста думала о том, что половину заработка вынуждена будет отнести ублюдку-Хорти, родному брату ее покойного отца, чтобы тот, как единственный опекун, не продал девушку замуж за того, кто больше заплатит. Рошха задыхалась без воды, снова и снова прикладываясь к фляге и не находя в ней облегчения. А я вспоминала свой десятый день рождения...

Тогда была замечательная погода: солнечно и тепло. Мы решили провести бабушку, живущую в небольшой деревне близ северной границы. Приемные родители даже денег на экипаж с кентаврами не пожалели. А уж быстроногие дети степей доставили нас до большой заставы за полдня. Все. Дальше только пешком или с попутной телегой, если уж очень повезет.

Но мы не печалились. Шли, напевая веселые песни, шутили и смеялись. В небе зажглись первые звезды, когда вдалеке показались открытые нараспашку ворота деревни. Мы замерли, боясь сделать еще хоть шаг. Даже отсюда был виден большой красный круг на черной, сожженной практически полностью, деревянной крепостной стене. Это означало, что жители этого селения вымерли от черного поветрия – самой страшной из существующих болезней.

– Даяна! – Папа, дернув маму за рукав, взял меня на руки, бросив поклажу на землю. – Возвращаемся. Быстро.

– Тебе ли не знать, что после имперских магов ничего заразного в этом селении не осталось? – с горечью сказала она, не в силах оторвать взгляд от родных стен.

– Тем не менее, его сожгут повторно, как только сюда доберется патруль драконов. Это не просто так.

– Дай мне пять минут попрощаться? – обессиленно попросила она. Мне было жаль бабушку, но виделись мы очень редко, а потому знала я ее плохо. Папа, прижав меня к груди, молча смотрел на плачущую жену. Так... бывает. Редко, но все же. Если постовые на границах не заметят хоть одно из порождений Инферно, а после оно, не иначе как чудом, не попадется на глаза ни одному из драконьих патрулей, зараза, которую порождение несет с собой, будет еще долго гулять по землям империи, выкашивая целые поселения. Так бывает.

Тогда, ни о чем не подозревая, мы вернулись домой в другой город... не существующий более ни на одной карте. Подкошенные горем утраты, улеглись спать лишь под утро. А в полдень следующего дня проснулась лишь я одна.

Не знаю, как выжила тогда. Не помню. Городских, еще не зараженных жителей очистили и эвакуировали маги, не позволяя вынести за пределы стен даже клочка одежды. А после дома, сады и даже причал сожгли драконы. Выжгли город дотла, своим особым черным пламенем расплавив даже башни крепостной стены. Я помню это пламя, раскаленные добела камни и треск волос на голове: иногда все это снится мне, словно произошло вчера. Не знаю, как и почему спаслась. Не ведаю, почему не попала вместе со всеми в руки имперских магов. Или же попала, но была признана зараженной? Помню лишь, что шла день и ночь... день и ночь без сна, еды и воды, неистово молясь о... родителях: приемных и настоящих, погибших за несколько лет до этого от такого же всплеска чумы. А затем мир затмили бездонно-синие глаза матушки Настасьи: «Ты в порядке, дитя?»

Огонь весело трещал сухими поленьями в большом очаге, важно булькала в казане каша, жалобно стонал, жалуясь на долгую и тяжелую жизнь, дом.

– Крыша прохудилась, а чинить нечем, – прислушавшись к скрипам и стонам, перевел дядько Михась – наш незаменимый домовый.

Его длинные, заплетенные во множество мелких косичек, седые волосы плавно переходили в такого же цвета бороду до пояса и усы. Нос картошкой и лохматые, вечно хмурящиеся брови говорили о тяжелом на подъем, вдумчивом характере. А глубокие морщинки вокруг черных бусинок глаз – о солидном возрасте. Дядько Михась никогда не расставался со своей узловатой клюкой, и все мы, пять учениц матушки Настасьи, прекрасно знали, как тяжела она бывает, ежели домового прогневить.

– Много нужно? – со вздохом спросила матушка.

Мы, не отрываясь от работы, переглянулись. Как и всегда, нам не хватало денег. А тут еще младшенькая Маришка серьезно заболела: пришлось даже целителя-эльфа звать да полномерный золотой ему за работу заплатить. А что делать, если обычные снадобья не помогают?

Разгладив на груди коричневый, связанный матушкой свитер, дядько Михась переступил обутыми в лапти ногами, нахмурил кустистые брови. Его синие суконные штаны были ношены-переношены, латаны-перелатаны, но несмотря ни на что домой от нас так и не ушел. Он мог бы жить припеваючи в богатом доме, но кто в доброй памяти уйдет от полукровки человека, будь тот даже бездомным? Мы все души не чаяли в матушке Настасье.

– Ежели благословишь, Настасья, я добуду черепицу.

Женщина отвела взгляд и посмотрела на спящую на печи Маришку. Все мы понимали, что дядько Михась говорит о воровстве. Но нашей младшенькой до выздоровления было еще далеко, а на носу зима.

– Только если у богатых, – едва слышно прошептала матушка, отворачиваясь. – Этот грех на мне.

Домовой, в пояс поклонившись женщине, растворился в сумерках освещенного лишь очагом дома. Мы же продолжили перебирать травы, тревожно посматривая друг на друга. Тяжелые нынче времена. А дальше что? А ведь легче не будет...

Всех нас матушка Настасья подобрала на улице, спасла от голодной смерти. Обучила всему, что знала сама, давая шанс на будущее, обула и одела, как смогла. Но ведь и мы более не дети? Еще не взрослые, до совершеннолетия далеко, но и не дети.

– Я в таверну пойду вечерами работать, – сказала тихо, сжимая от волнения дрожащими пальцами кончик хвоста. – Меня почтенный господин Гурго не раз уже звал. Днем здесь с травами и зельями

работать буду, а вечером, когда в его таверне наплыв клиентов, стану помогать подавальщицам или поварам.

Взгляды старших учениц и самой матушки скрестились на мне.

Испуганные, но решительные. Таверна для молодой девушки – это приговор ее возможности удачно выйти замуж, крест на ее честном имени и чистой репутации, пусть никто ее и пальцем там не тронет. Но у нас не было выбора! Ни шить, ни вышивать, ни даже толком еду готовить у меня не получалось. Ни в какую! А до совершеннолетия, когда можно будет отделиться и на жизнь травничеством зарабатывать, целый год остался!

– А я помощницей к госпоже Даяти пойду, вышивальщицей...

– А я няней к мастерам-стекольщикам...

– ... горничной...

Матушка Настасья смотрела на нас со слезами на глазах. Она ни за что не стала бы кого-то принуждать, но нужда не спрашивает.

– Спасибо! – прошептала она.

Наши взгляды встретились, и как бы сильно я не сопротивлялась, мир уже привычно поплыл, бросая меня в чувства и воспоминания женщины. Лишь бы они не узнали! Лишь бы не поняли, кто я на самом деле!

Матушка Настасья любила нас как родных детей и очень переживала о том, что не может нам дать. Но больше всего места в мыслях женщины занимали три крошки – детки из одного выводка неизвестной наги, всего по одному году от роду, которых матушка видела сегодня утром на рынке. И если их оттуда не забрать... проживут малыши ровно до того времени, как не сторгуется приютивший их скотовод. А значит, вскоре нас ждет пополнение.

Прошло всего мгновение, и я снова вернулась к работе. Никто ничего не заметил. А сильную головную боль можно и перетерпеть. Главное, ничем себя не выдать. Главное, не шевелиться и не думать ни о чем, находясь внутри разума другого существа. Главное, сохранить свою тайну, чтобы не стать изгоем даже внутри приютивших меня стен.

Да-да, я – чтец душ. Самый настоящий представитель тех, кого ненавидят и презирают, кого в народе называют «подсматривающими» и плюют при возможности в спину. Кому понравится соседство существа, способного узнать все твои самые сокровенные тайны?

Чтобы выжить, нужно было молчать и скрываться. Этому я научилась в совершенстве. И потому даже не заикнулась о том, чтобы пойти в крепость стражников и стать учеником. Туда во все времена брали лишь сильнейших, способных по своему желанию, даже насильно, проникнуть в мысли преступника на допросе или незаметно подслушать представителя другого государства на переговорах... Остальных же, после проверки специальным артефактом, стражники просто выставляют за дверь. Но разве шило в мешке утаишь? Уже к утру следующего дня все в городе будут знать, что ты чтец, пусть и слабый.

Как жить после этого? Даже если ты ничего толком не умеешь, всю жизнь изгой и отщепенец – вот твоя роль. Как смотреть в глаза родным?

Далеко за полночь закончили мы работу. Матушка Настасья, найдя для каждой из нас доброе слово, дождалась, пока все улягутся спать, и лишь после этого, погасив дешевенький магический светильник, сама легла на узкую лавку у входа. Дрема медленно начала наползать на мое утомленное за день сознание, но тут надсадно раскашлялась на печи Маришка. Матушка Настасья вновь зажгла практически не дающий света светильник и пошла готовить отвар у печи.

Я следила за ее медленными от усталости движениями, не понимая, как можно вот так самозабвенно любить чужих детей? Как можно добровольно взвалить на себя тяжелую ношу ответственности за их жизни? Не будь у матушки Настасьи пятерых приемных детей, жила бы уважаемая травница в полном достатке и почете. Почета и сейчас в избытке: вряд ли во всем пригороде Акета найдется тот, кто не знал бы ее имени, но вот недостаток... Прадед матушки Настасьи – чистокровный человек, переселенец из далекого мира Земли. Что тут еще скажешь?

Я отвернулась спиной к комнате, пытаюсь уснуть, но снова и снова вспоминала уроки истории в воскресной школе, куда в обязательном порядке ходили все дети до совершеннолетия.

– Все вы не раз слышали о том, как brave пограничные стражи

защищают границы нашей благословенной империи от сил Инферно. – Наш учитель, уважаемый господин Данр, ходил перед своим столом, заложив руки за спину. Хорошо поставленный голос известного преподавателя достигал даже отдаленных уголков аудитории. – Но знаете ли вы, что огромная часть нашего мира, ныне называемая Инферно, ранее была плодоносной и богатой территорией магического государства Алфея? – В ответ на слова учителя по рядам пронесся дружный вздох. Да и не странно: о подобном никто из нас не слышал. Инферно... оно просто было. Всегда. Материальное воплощение зла на границе нашей благословенной империи. Вечный источник скверны и невообразимых чудищ. Жнец, неизменно пожинающий сотни жизней наших воинов.

Казалось, сам воздух аудитории дрожал от скопившегося любопытства. Все до единой парты для учеников были заняты. Дети из бедных семей, чьи родители не могли позволить себе платного обучения, пришли сегодня послушать мудрого учителя. Ступени аудитории, подоконники и узкие проходы между партами: все было занято внимающими слушателями.

– Слово «инферно», – продолжил учитель, – переводится как «большой огонь». Именно его – первозданное пламя из проклятого ада – призвали возомнившие себя всемогущими маги во времена, названные после Падением. Вырвавшись из-под контроля, Инферно стало пожирать все на своем пути, поглощать территорию за территорией, исторгая из своего нутра существа столь ужасные, сколь и совершенные в своей смертоносности.

Уважаемый учитель – гоблин. Он был низкого роста и лыс по причине поздней старости. Его зеленая кожа была дряблой и морщинистой, а длинные уши обвисли по бокам головы, словно унылые листья цветка. Но взор был столь остр, голос – тверд, а убеждения – непоколебимы, что его не возможно не уважать, будь ты хоть трижды лордом. Да и как можно не уважать столичного преподавателя, не ленившегося каждое воскресенье возвращаться в родной город для бесплатных уроков?

– После пробуждения Инферно прошло не так уж и много времени, но мир наш оказался на грани уничтожения. Не было более государств и кланов, домов и доменов. Лишь хаос, огонь и смерть. Знаете, что произошло тогда? – Но хитрый прищур не ввел нас в

заблуждение – ответ прост, и все мы его знаем.

– Пришли люди!

– Да. – Довольно кивнул учитель. – Тогда впервые были открыты ворота перехода, и в наш мир попал Иван Первый. Сильнейший из магов. Доблестный воин. Он начал то, что закончили его последователи. Он сумел ограничить Инферно в тех землях, о которых мы знаем и сейчас. – Остановившись посреди аудитории, уважаемый господин Данр посмотрел прямо на меня. – Сколько всего людей прошло через ворота от Ивана Первого и по сей день?

– Четыреста семьдесят два, – отрапортовала я.

– Да. За воротами следят денно и нощно, но вот уже двести лет никто не приходит.

Мы все знали об этом. Как знали и о том, что пройти сквозь ворота может лишь истово верующий человек, а потому большинство попавших к нам людей – монахи. Нам рассказали, что Прошедшие, перед тем как увидеть ворота, молились о призвании и о служении Господу. Молились так рьяно, желали так неистово, что их слышали...

Люди – сильнейшие маги и воины, рыцари Света, поборники справедливости, силу и огонь в груди которых поддерживает сам Господь. Это аксиома. Об этом знают все. Вот и мне, пережившей страшнейшую болезнь, повезло попасть на глаза матушке Настасье. Кто бы еще подобрал на улице умирающего ребенка?

Матушка Настасья – полукровка во втором поколении, ее дедушка был Прошедшим. Магия света уже практически не проявляет себя в умениях травницы, но доброе сердце и Вера согревают всех вокруг теплом и благодатью.

Нет, и в нашем мире, конечно, имеются и маги, и воины, и даже высшие лорды. Но мы рождаемся во мраке и с мраком. В наших венах магия Тьмы и всепоглощающего Огня. Говорят, высшие лорды могут даже жить в Инферно, купаясь в потоках первозданного пламени, растворяясь в нем.

Недолго, конечно, но все же...

Жаль только, что мир Земля, откуда приходили к нам люди, все сильнее меняется, и нет в нем места неистовой вере и молитвам столь сильным, чтобы быть услышанными. Кровь человеческая слишком быстро разбавляется тьмой. Вот уже и во втором поколении наследников магии Света практически нет. Коль скоро она угаснет

насовсем?

ГЛАВА 2

Я проснулась с первыми петухами. Матушка Настасья, умаявшись за ночь уходом за Маришкой, спала, подложив под голову руку, чему-то хмурясь и переживая даже во сне. Ноги уже привычно нырнули в тяжелые башмаки, на плечи легла теплая лохматая безрукавка. И только хвост все еще прятался под одеялом, не желая прощаться с кратковременным теплом. Неженка!

Хасти уже проснулась. Я слышала ее тихий голос с улицы: она часто любила петь, выполняя механическую работу. А вот Рошха все еще дремала в своей бочке, склонив голову на бок. Я не стала ее будить. Такой судьбы не пожелаешь и врагу.

В мои обязанности входило приготовить еду нашей корове Марке, курицам и троем поросятам, а также подмести двор. Кормили всех Дарика и Маута, две другие старшие ученицы травницы. Хасти отвечала за дрова, а Рошха – за приготовление завтрака для всех нас. А еще Маришка – последний найденыш матушки Настасьи. Вот только способностей к травничеству у нее так и не нашли: девушка умудрялась перепутать даже подорожник с лапником! А потому, что будет дальше, когда она поправится, не знал никто. Возможно, матушка Настасья передаст ее кому-то другому в ученики, позволив жить у нас?

Вдохнув полной грудью холодный осенний воздух, я принялась за работу. Солнце уже взошло, но так как наш домик находился в пригороде Акета, да еще на западной его стороне, в тени крепостной стены, воздух прогреется еще нескоро, в лучшем случае после обеда, а то и вовсе к вечеру.

В голову лезли воспоминания о моем ночном сновидении, но я с упорством молодого барана гнала их прочь. Еще не время. Вот будет свободная минутка после завтрака, сяду и все вспомню, обдумаю и проанализирую. Я и не забывала ничего, если честно, но и вспомнить лишним не будет.

Эх, а ведь сегодня снова за травами придется идти! Ноги-то за ночь в специальных носочках, пропитанных отваром, зажили, но как же не хочется снова сбивать их в кровь, ползая по буеракам! Жаль,

конечно, что матушка Настасья в силу возраста уже не ходит с нами. Уж она умела и путь удобный найти, и корзины в кратчайшие сроки наполнить. Нам до ее мастерства еще блуждать и блуждать. Триста лет как-никак в этом году травнице исполнилось. А, как известно, сила Света в людях до ста пятидесяти растет, а после убывать начинает. Редко кто до трехсот и доживает. И ничего тут не поделаешь. Хорошо еще, что отцом матушки Настасьи леший был. Они, если лес сильный и здоровый, и до тысячи доживают. Продлили отцовские гены жизнь нашей благодетельницы. Но ничего. Справимся. Не впервой. Не зря же мы старшими ученицами числимся? Матушка Настасья нам даже бумаги специальные в городском доме сделала. Повесток о рождении ни у кого из нас нет, так хоть какой-то документ за душой будет. Спасибо ей. Правда. От души. Не сапоги себе новые на зиму купила, пусть старые и разлезлись совсем, а за наши удостоверения учениц заплатила. Одно слово – Человек.

Быстро справившись со своими обязанностями, с сомнением взглянув на позевывающих подруг, все же решилась и украдкой покинула двор. Ежась от прохлады, здороваясь со спешащими по своим делам соседями, добежала до ближайшей площади и остановилась у колодца. В прошлый раз мне повезло, так может и сегодня...?

Я просто отпустила себя. Это словно ты все время ходила со сжатыми изо всех сил кулаками, но вот, наконец, позволила рукам расслабиться, плечам распрямиться. Позволила себе выдохнуть. Моя сила прозрачной, невидимой и неслышной для непосвященных волной потекла по улицам, ныряя в каждую щель, окутывая призрачным покрывалом каждый предмет и живых существ.

– Ах! – Не удержав восклицания, с трудом сохранила равновесие, таким острым было ощущение детского страха. Впрочем, ментальная магия – это всегда больно для мага. У всего есть своя цена. Итогом моих поисков стал небольшой каменный дом у самой крепостной стены. Я подняла руку и постучала в дверь.

– Кто вы? – Баюкая на руках полугодовалого ребенка, дверь открыла мать семейства.

– Меня зовут Шати. Я старшая ученица травницы матушки Настасьи.

– Знаю такую. – Кивнула головой женщина.

А я позволила себе вздохнуть. Вот потому и не стала другим именем называться – все у нас друг друга знают в пригороде, обойди его хоть кругом. Большая деревня, а не город, честное слово! Слухи, конечно, поползут, но... Нельзя же все время бояться?

– Мне рассказали, что у вас ребенок очень беспокойный. Плачет все время... – я говорила все тише и тише, ведь младенец спал совершенно спокойно. Неужели я ошиблась?

– Вы можете помочь? Я заплачу! – Схватив за руку, она потащила меня за собой в дом. – Счастье-то какое! Я уже думала к целителям на поклон идти.

А там, под тяжелым теплым одеялом, прямо у растопленной печи лежал и дрожал от холода пятилетний мальчик. Не знаю, что так сильно испугало его, но кошмары давили на ребенка гранитной плитой, потихоньку выдавливая из него желание жить.

Сила сама хлынула мне в руки, я едва успела схватить склянку с жиром и льняной мукой и окунуть в нее в пальцы. А после, уже мало что понимая, начала судорожно раскутывать ребенка, втирая и втирая в его кожу жир, а на самом деле вливая в истощенное тело энергию.

Спустя пятнадцать минут банка была полностью пуста, сила моя устроилась где-то в животе урчащей довольной кошкой, а мальчик спал здоровым глубоким сном, не нуждаясь более в тяжелом теплом одеяле.

– А что за зелье такое? – приняхиваясь, шепотом спросила растерянная мать. – Я еще куплю. Бывает и младшенький плачет – успокоить не могу.

Я бросила усталый взгляд на малыша, но он был полностью здоров. Отрицательно качнула головой.

– Сколько за излечение заплатите? – Вопрос денег был острым как никогда, но ведь не вымогать же золотой, как это сделал бы целитель? – Болезнь больше не вернется, – уточнила на всякий случай.

Мать, коротко кивнув, положила ребенка в люльку, а после вышла на пару минут.

– Вот. Это матушке передашь. – Протянула полотняный мешочек. – Она давно у меня о семенах льдяника спрашивала. А это за работу. – В мою руку легли две полновесные серебряные монеты. Ого! –

Спасибо, Шати. Я уж думала, придется к целителю ехать. А где ж денег на его услуги взять?

Я открыла рот... да так и закрыла. Она знает меня? Знает мое имя? Почему тогда спрашивала? Но умный и внимательный взгляд подсказал, что моя уловка с «зельем» не сработала, и мать прекрасно все поняла. Впрочем, я всегда могу сделать непонимающее лицо, ссылаясь на чудотворные травы. Поди еще докажи, что я маг разума...

В этот раз нам повезло: пожилой гном-кожевник, господин Крябдо, увидев нас, еще издали помахал рукой и с радостью подвез до нужной развилки у тракта. Хороший он и рачительный. Вот достаток в семье и водится. А сын уважаемого гнома скупердяй еще тот, жадный без меры. Такой и водой в дождь не поделится. Встречались уже не единожды, когда я мази в дубильную мастерскую заносила. Хам!

– Ох, девоньки, а ведь у Шати день рождения скоро, – лукаво улыбнувшись, сказала Дарика. У нее просто мама из оборотней-лисиц была, вот дочь характер и унаследовала. – Как праздновать будем?

Я только покачала головой. Этой все лишь бы праздновать. А то, что и медяшки лишней нет, ее не волнует?

– Соберем денег, сапоги матушке Настасье купим, тогда и отпразднуем.

Настроение у меня было не радужное. Своего восемнадцатилетия я ждала долго и мечтала о... разном, как и любая девушка. Только если в таверну работать пойду, не видать мне ни ухаживаний нормальных, ни семьи. Но что делать? Ума ни приложу. Куда еще можно податься?

Под ногами пружинил ковер из синего мха, над головой щебетали птицы. А я твердила себе, что не очень-то и хотелось ухаживаний соседских мальчишек или молодых вдовцов. И это правда. Может, я и глупая, может, лучше синица в руках, чем журавль в небе, но мне мало. Мало просто выйти замуж и рожать детей. Мало быть простой травницей. Мало просто жить. Хочется... Душа рвется к чему-то большему. Ведь не зря же все это со мной происходит? И сны?

– Шати, проснись. Почти пришли! – Пихнула меня в бок Хаста. – И не нужно откладывать жизнь на потом. Мы, может, и не богатые, но уж ужин вкусный приготовить сумеем. Будет тебе первый девичий праздник!

Девушки согласно загомонили, а у меня посветлело на душе. Как же я их люблю!

Дойдя до нужной поляны, мы разошлись в разные стороны, бережно и аккуратно наполняя корзины листьями, стеблями и кореньями осенних плодоносов. Раньше, говорят, беспокойно было в этих местах, но вот уже более ста лет, с тех пор как на трон сел свят Владимир Николаевич и основал Орден Следящих, даже дети не боялись бродить по тракту в одиночку. Тут уж какое дело: лучше самому в землю закопаться, чем с членами того ордена дело иметь. А у них, надо сказать, нюх на преступления. Ты еще караван грабить не закончил, а они уже тут как тут.

Видела я однажды следящего около городской ратуши, уж не знаю, чего он там забыл. Стоит себе черная фигура, в черный же плащ укутанная, а из-под плаща черный туман во все стороны расползается да развеивается. А главное, края одежды шевелятся, словно по ветру, а ветра-то и нет. А потом ка-а-ак глянет на меня! А там во тьме капюшона лица не видно, только глаза красным светом горят. Жуть! Вот я с визгом и убежала.

Не-не, нет у нас дураков преступления совершать да внимание следящих к себе привлекать. Лучше уж ручками и ножками заработать. Целее будешь.

В этот раз закончили мы быстро, до заката не менее двух часов оставалось, вот и решили сразу в лесу травы перебрать, чтобы домой лишнее не нести. Сели кругом, около каждой корзина, руки работают, а языкам свобода...

– А что, Шати, выбрала ли себе уже по сердцу кого-то? – Это опять Дарике неймется. Но я не злюсь и не обижаюсь, давно мы друг к другу привыкли.

– А ты, небось, уже и рушники обрядные вышила? – подшучиваю в ответ, но девушка вдруг стремительно краснеет, что видно даже сквозь рыжеватую короткую шерстку на ее лице. – Кто же он?

– Митик, – смущенно отвечает Дарика, выжидательно и робко на нас

глядя. Не осмеем ли, не осудим?

Но что тут скажешь? Я качнула головой и промолчала, а девочки начали Дарику поздравлять да всячески подзуживать. Митик, он парень хороший, конечно. Но бедный. Едва ли не беднее нас, сирот-бесприданниц. И мать у него злая. Может, от того, что ноги ей в молодости конной колесницей переломало, да с тех пор она и не ходит? А может, родилась такой. Тяжело будет Дарике в нищете да с такой свекровью. А как детки пойдут?

Но я молчу. Молчу потому, что Дарика и сама все знает. Может, и правда, любит Митика, а может, и нет. Просто... деваться некуда. Это я готова от репутации своей отказаться да в таверну идти работать. Она так не сможет. А я... С тех пор как умерли родители, я каждую ночь вижу сны. Там я хожу по улицам мира Земля и проживаю жизнь девушки по имени Ольга. Странно, но там нет места магии и чуду. Там нет места вере. Враждебные друг другу люди грызутся за власть и ресурсы... Да у нас темные человечнее друг к другу относятся! Все так, словно в своих снах я вижу противоположность тому миру, откуда пришли к нам святые монахи и прочие люди. Словно... они соврали, описывая свой мир?

Потому я и молчу о снах, как и о том, что я чтец душ. Всю жизнь молчу.

Конец отрывка, полная версия тут: https://feisovet.ru/магазин/Его-каменное-сердце-Наталия-Каплуненко?utm_content=286486054_286297760_0